

39

На правах рукописи

003056438

ГУЛЮК Лидия Александровна

**МИФОЛОГЕМА ЖЕНСТВЕННОСТИ
В КУЛЬТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Белгород 2007

Работа выполнена на кафедре философии
Белгородского государственного университета

Научный руководитель	доктор философских наук, доцент Климова Светлана Мушаиловна
Официальные оппоненты:	доктор философских наук, профессор Поддубный Николай Васильевич доктор социологических наук, доцент Бахарев Виктор Владимирович
Ведущая организация	Белгородский государственный институт культуры и искусств

Защита состоится 27 апреля 2007 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета Д 212.015.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук при Белгородском государственном университете (308008, г. Белгород, ул. Преображенская, 78, социально-теологический факультет).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Белгородского государственного университета (308015, г. Белгород, ул. Победы, 85).

Автореферат разослан « 26 » марта 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук, доцент

С.М. Климова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В современном обществе проблема женственности имеет не только социально-политические, но и философские обоснования. Многочисленные научные поиски сосредоточены на выяснении динамики представлений о женщине и женственности. Женщина традиционно понималась как «особое» существо по отношению к мужчине – «норме» и «мере» человеческого (Симона де Бовуар). Как правило, особенность, отличительность женщины оценивалась в культуре и философии отрицательно, как отступление от нормы. В некоторых случаях, напротив, она предельно идеализировалась, но и тогда женщина рассматривалась как исключительное из человеческого, нормативного мужского бытия.

В XXI веке проблема идентификации человека не только по принадлежности к национальному, этническому, половому, но и гендерному признакам оказывается столь же обостренной, как и в XX веке. В социальном мире суть номинаций мужественность – женственность достаточно размыта. Все чаще насаждаются и множатся образы «женственных мужчин» и «мужеподобных» женщин, широко тиражируемые массовой культурой. Традиционные представления об особенностях мужчин и женщин, их отличительных чертах практически уже сломлены. Женственность в определенном смысле становится неким экспонатом или симулякром, пустой формой, манифестирующей (сексуальную) красоту, соблазнительность, желание обладания – чистое наслаждение.

Чрезвычайно важно понять и оценить данную проблематику с точки зрения философской и культурной традиции. В современных исследованиях вопрос о сути женского и женственности, как правило, связывают с учением европейских феминистов, однако не менее актуальным представляется анализ российской философской традиции. Своеобразной точкой интеллектуального «взрыва» является Серебряный век, который считается «временем» рождения проблематики женщины и женственности в России. Именно в это время впервые были выявлены и проанализированы «женский», «семейный», «половой» и пр. вопросы; философски осмыслен образ женщины-женственности; созданы психологические и культурные доминанты ее восприятия, не утратившие своей репрезентативности и сегодня.

В рассмотрении женственности с позиции ее идеализации, как в культуре Серебряного века, так и в культуре наших дней, отмечается общая тенденция. Явление «переходности», свойственное эпохам рубежа XIX – XX вв. и XX – XXI вв., сопряжено с тенденцией «пересоздания» действительности в мифологическом ракурсе восприятия. Кризис переходных периодов провоцирует процесс мифологизации общественного сознания, что ведет к утверждению новой модели мира, нового понимания природы женственности – мужественности. Опыт описаний Серебряного века позволит лучше понять современные отношения между людьми, выбрать четкие ориентиры в конструировании современных представлений о женственности.

Степень научной разработанности проблемы. Тема диссертационного исследования в силу своего комплексного характера находится на пересечении проблемных областей ряда наук о человеке и обществе, в то же время

представляет совершенно определенную отрасль философии пола, современных гендерных, культурологических исследований.

Философско-культурологическое осмысление природы женского исторически имеет давнюю традицию. В истории изучения женственности выделены два основных подхода в ее определении: с одной стороны, женственность рассматривается как производная от биологической разницы полов, то есть как природное понятие (статичное), наделенная чертами, которые заложены природой изначально, – традиционный биологический подход, эссенциализм; с другой стороны, – социально-конструктивный подход, акцидентализм, где женственность воспринимается как гендерное понятие (динамичное), конструируемая обществом, изменяющаяся в процессе исторического и культурного развития этого общества.

Первый подход представлен классическими и современными трудами, из которых наиболее значимы работы Платона, Августина, Фомы Аквинского, новоевропейских просветителей Ж. Руссо, И. Канта, Г. Гегеля, специальными исследованиями З. Фрейда, Т. Парсонса, О. Вейнингера, А. Рич, Э. Маккоби, В.А. Геодакяна.

Стремление систематизировать и выстроить соответствующие теории, касающиеся интерпретации понятий «мужское-женское», «мужественность-женственность», сквозь призму социально-конструктивного подхода (акцидентализм) можно проследить в работах зарубежных (Д. Миль, Д. Локк, Ш. Фурье, А. Сен-Симон, Р. Оуэн, Ф. Энгельс, Р. Столлер, С. де Бовуар, Ж. Деррида, Р. Брайдотти, Т. де Лауретис, К. Миллет, М. Мид, Б. Фридан, Э. Сиксу, Л. Иригарэй, К. Уэст, Дж. Бразерс, Д. Зиммерман, Э. Шорэ, Р. Брайдотти) и в работах современных российских авторов (О.А. Воронина, С.Г. Айвазова, Т.А. Клименкова, М.М. Малышева, Н.И. Абубакирова, А.А. Темкина, Е.А. Здравомыслова, А.Ю. Большакова, Г.А. Брандт, В.И. Успенская, В.В. Кирилина, А.Е. Чучин-Русов, И.С. Коц, Е.И. Трофимова, С.А. Ушакин, Е.В. Мистрюкова, Л.М. Бредихина).

Е.В. Анисимов, Е. Вардман, С.Н. Кайдаш, Н.Л. Пушкарева, Л.М. Управителява, С.Г. Фатыхов исследовали проблему роли и места женщины в развитии культуры и общества в историческом аспекте. Интересны и продуктивны научные изыскания в области русской культуры, представленные у В.Н. Топорова, И.И. Срезневского, Б.А. Рыбакова, И. Богина, В.А. Кардапольцевой, Н.С. Шапаровой, А.П. Забияко, Б.А. Романова, М.В. Михайловой, Н. Габрилян, Г.Д. Гачева, В.Г. Иванецкого, Г.И. Кабаковой, Е.Е. Левкиевской.

Большой опыт, как в зарубежной научной мысли, так и в отечественной, позволил раскрыть «секреты современной психологии мужчины и женщины». Работы ученых Е.П. Ильина, В. Искрина, Т. Мареза, И.С. Клециной, А. Менегетти, А.М. Эткинды и мн. др. представляют уникальный исследовательский материал об источниках гендерной социализации, о формировании гендерных норм, социальных и гендерных ролей. У истоков этого направления стоят такие психологи-энциклопедисты, как З. Фрейд, К. Юнг, Э. Фромм, К. Хорни. Особое место в анализе психологических аспектов философии пола занимает австрийский ученый и писатель О. Вейнингер.

Конкретно-исторический подход позволяет проанализировать специфику эпохи Серебряного века «изнутри», проследить трансформации восприятия проблемы, как они сложились в самой изучаемой эпохе. Поэтому большое внимание в диссертации уделено трудам Вл. Ходасевича, Вл.С. Соловьева, С.М. Соловьева, Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, К.В. Мочульского С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, Н.Ф. Федорова, С.Л. Франка, В.В. Розанова, творчеству представителей символизма: Вяч. Иванова, А. Белого, А.А. Блока. Современные исследователи рассматриваемого периода – К.В. Фараджев, С.С. Хоружий, П.П. Гайденок, А.А. Тахо-Годи, С.М. Маковский, В.Н. Орлов, Е.И. Романова, З.Р. Жукоцкая, П.В. Журавлев, А.В. Колесникова, Л.К. Долгополов и др.

Изучению концепта женственности в культуре Серебряного века в конкретно-культурном аспекте уделяли внимание такие современные исследователи, как Н.К. Бонещкая, И.А. Жеребкина, О.В. Брюханова, С.М. Климова, О.В. Рябов, Л.А. Пермьякова, В.П. Шестаков, Т. Ерохина, А.П. Козырев. Однако при всем интересе к данной проблеме недостаточно полно освещен вопрос создания и реализации мифологемы женственности.

Понимание эпохи рубежа XIX-XX веков как кризисной представлены в трудах Р. Гвардини, Х. Ортега-и-Гассет, А. Тойнби, К. Ясперса, А.С. Ахиезера, И.В. Кондакова, Н.А. Хренова, А. Сайко, Ю.Н. Солонина, Н.А. Богомолова, Т.Ю. Сидорина, Л. Кацис. С позиции синергетической теории ситуацию кризиса эпохи анализируют И. Пригожин, И. Стенгерс.

Рассматривая эпоху Серебряного века как мифологизированную, мы обратились к работам, посвященным исследованию мифологической составляющей культуры. Сюда отнесены труды Ф. Шеллинга, Ф. Шлегеля, Ф. Шиллера, К. Леви-Строса, Р. Барта, Э. Кассирера, Ю.М. Лотмана, К. Юнга, А.Ф. Лосева, Ф. Ницше, Е.М. Мелетинского, Я.Э. Голововскера, С.С. Аверинцева, А. Голана, В.Н. Топорова, Л.Г. Ионина, Р. Веймана, К. Хюбнера, Л.Н. Воеводиной, Г.В. Осипова, А.Ф. Косарева, В.П. Римского, В.М. Найдыша, Г.Н. Оботуровой, Ю.Е. Климова, Ю.М. Антоняна, В.С. Полосина, А.С. Шарова, А.М. Лобок.

Источниковой базой работы явились сочинения Ф. Ницше, Н.Г. Чернышевского, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Н.Ф. Федорова, Вл.С. Соловьева, Вяч. Иванова, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, А. Белого, А.А. Блока; визуальный ряд представлен анализом произведений В.Э. Борисова-Мусатова, П.В. Кузнецова, А.Н. Бенуа, К.А. Сомова, Л.С. Бакста, М.В. Врубеля.

Объектом исследования является мифологема женственности в мифотворчестве русских мыслителей конца XIX – начала XX века.

Предметом исследования является анализ особенностей создания и воспроизводства мифологемы женственности в культуре Серебряного века.

Целью исследования является выявление, анализ, описание природы женственности в период социокультурных трансформаций эпохи Серебряного века.

Для достижения поставленной цели требуется решить следующие задачи:

– рассмотреть мифологему женственности в философско-культурологическом аспекте, установить смысловые границы и точки сопряжения понятий «женское» и «женственность»;

– проанализировать культурологические основания и специфику эпохи Серебряного века в период перехода;

– выявить культурообразующее значение мифологемы женственности в русской культуре;

– раскрыть «технологию», специфику и воплощение мифологемы женственности в период перехода в философской и художественной мысли культуры Серебряного века;

– рассмотреть амбивалентную специфику мифологемы женственности.

Теоретико-методологические основы исследования.

В работе использовались следующие методы и подходы, позволившие исследовать мифологему женственности в конкретно-историческом ракурсе:

– гендерный подход, давший возможность рассмотреть концепт женственности в эпоху Серебряного века сквозь призму социокультурных модификаций, методологические основания которого определены в трудах М. Фуко и Ж. Деррида;

– диахронический метод, позволивший рассмотреть мифологему женственности в срезе определенного исторического отрезка;

– исторический метод послужил выявлению традиционных представлений сути мифологизированной природы женственности в русской культуре, поскольку понимание той или иной культуры невозможно вне контекста ее собственной истории;

– биографический метод, при котором жизнь выдающихся мыслителей эпохи рассматривается в контексте их философской творческой деятельности и жизнь реальных женщин – в конструкции идеальной модели женственности, созданной творцами культуры Серебряного века;

– системно-синергетический метод, позволивший рассмотреть период рубежа XIX-XX вв. как точку бифуркации, в которой намечается поворот на качественно новую ступень развития в восприятии мира, понимании природы женственности;

– при описании специфики периода перехода исследование опирается на методологию анализа кризисных состояний в системе «вызов-ответ», разработанную А. Тойнби, которая позволила интерпретировать мифологему женственности как «ответ» на сложившуюся кризисную ситуацию эпохи;

– структурно-семиотический метод Р. Барта, примененный при анализе мифологических оснований эпохи, послужил выявлению механизма создания идеальной модели женственности в культуре Серебряного века;

– компаративный метод, способствовавший выявлению общего и различного в содержании мифологемы женственности.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

– определены границы и точки сопряжения понятий «женское» и «женственность», сформулировано понимание женственности как образа эпохи;

– рассмотрена эпоха Серебряного века как «переходная», в которой кризис выступает противоречивым (творческим и деструктивным) основанием последующих культурных новаций в отношении к образу женственности и социальных новаций в отношении к женщине как таковой;

– обозначены источники мифологизирования – идеализации женственности, заложенные в основании русской культуры;

– выявлена устойчиво повторяющаяся в мифотворчестве мыслителей Серебряного века концепция природы женственности, исследуемая через призму кризиса эпохи;

– рассмотрена амбивалентная природа мифологемы женственности, проявившаяся через религиозно-философское противопоставление «небесного» и «земного», мифопоэтическое противопоставление идеального и реального.

Положения, выносимые на защиту:

1. Под женственностью понимается социокультурный конструкт, наполняемость которого (совокупность поведенческих и психологических черт и особенностей, традиционно приписываемых женскому) диктуется культурными доминантами определенного временного отрезка. Женское и женственность различаются как половое и гендерное, как природное и культурно-символическое. Женственность есть метафизическая, социальная составляющая женского, предстает как совокупность социальных и культурных требований, которые общество предъявляет к женщине.

2. Кризис как важнейшее культурологическое основание периода перехода создает амбивалентную систему «вызовов», ответы на которые возникают в культурном пространстве эпохи и могут стать как основой творчества – создания новых ценностей, так и основой разрушения прежней системы. Миф становится пространством, оформляющим жизненную реализацию личности, переживающей миф как собственное бытие. С помощью мифов и мифологем конструируется новая ценностная система жизнедеятельности. В рамках мифотворчества создается мифологема женственности, идеальная модель, репрезентирующая идеал эпохи в целом.

3. «Технология» создания мифологемы женственности в Серебряном веке описана по законам «натурализации» мифа (Р. Барт). Первоначальные номинации женственности в факте реального бытия («означающее») «похищаются» мифом, женственность заполняется новой идеализированной семантикой – создается мифологема (Вечная Женственность), нацеленная на денотат и требующая соответствия реального идеальному.

4. Истоки идеальной (мифологизированной) женственности, выступающей в образе Вечной Женственности в Серебряном веке, восходят к древним пластам русской культурной традиции в образах Матери-Сырой Земли, Богородицы, а также к соловьевскому образу Софии. Олицетворяя единение человечества, Вечная Женственность подобно Богородице, (Богине-Матери), Матери-Сырой Земле (народного варианта Богородицы), проявляет материнские черты. Происходит слияние образа Вечной Женственности, Богородицы, Матери-Земли в древнем архетипе Матери, символизирующей кормящее, заботливое, сохраняющее начало. Опираясь на традиционные для русской культуры образы, творцы Серебряного века доводят идею святости

Богородицы-Материнства до полного асексуализма, делая ее бесполой, сверхдуховной идеальной моделью, лишая и репродуктивной, и сексуальной функций.

5. Мифологема женственности представлена через систему бинарной оппозиции: женский мир распадается на мифологизированный мир совершенной женственности и инфернальный мир страстности, разрушения, женской истерии. В развенчивании мифологизированной женственности идеальные признаки перевоплощаются в свою противоположность – греховность, порочность. Реальная женщина, не способная принять на себя роль, уготованную ей культурой, автоматически наделалась статусом «самки», «животного», причиной пробуждения в мужчине «зверя», то есть инфернальным – деструктивным началом. Вечная Женственность оказалась «пустотой», из которой мужчины-мыслители черпали собственное вдохновение, представляя ее либо в статусе святой, либо как источник чистого наслаждения. Сама женственность для них – лишь идея, которая не имеет смысловой самостоятельности. Она суть чистый миф, который является основанием любых смыслов, не имеет собственного содержания.

Теоретическая значимость работы состоит в детальном исследовании реализации созданной в культуре Серебряного века мифологеми женственности на примере философских, художественных текстов и выявлении ее особенностей. Результаты и выводы диссертации позволяют лучше понять процессы, происходящие в сфере культуры и сознания анализируемого периода, а также ту гендерную картину мира, которая складывается сегодня.

Практическая значимость исследования определяется тем, что представленный материал диссертации может найти применение при создании учебно-методических материалов и преподавании курсов по философии, культурологии, истории мировой культуры, в разработке спецкурсов по проблемам социальных и гендерных исследований.

Апробация работы. Результаты исследования докладывались на Международных конференциях: «Православие, молодежь и будущее России» (Санкт-Петербург, 2005); на Всероссийских конференциях «Наука о культуре – шаг в XXI век» (Москва, 2006), «Первый Российский культурологический конгресс» (Санкт-Петербург, 2006), «Провинция и столица: центробежные и центростремительные процессы духовной эволюции культуры» (Белгород, 2006).

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы диссертации, ее актуальность, определяются цель, задачи, методы работы, формулируются научная новизна и основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Философско-культурологические аспекты исследования концепта женственности в культуре Серебряного века» посвящена выяснению сути происходящих изменений рассматриваемого периода рube-

жа XIX-XX веков; теоретически уточняется значение понятия женственность, фундаментального понятия в области гендерных исследований.

В первом параграфе «Репрезентация понятия «женственность» (философско-культурологический анализ)» внимание сосредоточивается на прояснении понятия «женственность» в философско-культурологическом аспекте.

В истории изучения женственности выделены два основных подхода в ее определении: с одной стороны, женственность рассматривается как производная от биологической разницы полов, то есть как природное понятие (статичное), наделенная чертами, которые заложены природой изначально, – традиционный биологический подход, эссенциализм; с другой стороны, – социально-конструктивный подход, акцидентализм, где женственность воспринимается как гендерное понятие (динамичное), конструируемая обществом, изменяющаяся в процессе исторического и культурного развития этого общества.

Понимание концепта женственности как совокупности природных качеств, отличающих женщин от мужчин, исторически является древнейшим. Античные философы (Ксенофонт, Пифагор, Платон, Аристотель) первыми актуализировали проблему женственности, в течение длительного времени решали вопрос: человек ли женщина? Основное предназначение женщины видят в служении мужчине, в выполнении репродуктивной функции. В итоге, мыслители, противопоставляя женское и мужское, женское эксплицитно связывают с пассивным, бесформенным, неупорядоченным, чувственным, то есть *объектом*, а мужское – с оформленным, активным, рациональным, то есть *субъектом*. Данная символическая парадигма маскулинности и феминности представляется культурной универсалией, утвердившейся в истории человеческой мысли вплоть до XX века.

Традиция мужского доминирования, берущая свое начало в античности, прочно обосновывается и в средневековье (Августин Блаженный, Фома Аквинский, в памятниках древнерусской литературы), и в эпоху Просвещения (Р. Декарт, И. Кант, Ж. Руссо, Г. Гегель). В Новое время формируются представления о полярной оппозиции женственности – мужественности, резкой противоположности духовного и телесного, рационального и природного, познающего и познаваемого. Именно в это время подавление природного, телесного и – по ассоциации – феминного становится системообразующим принципом западно-европейской мысли. В XX веке этот ряд продолжает оппозиция: наслаждение – репродукция, проявившаяся в работах З. Фрейда, О. Вейнингера, Т. Парсонса, В.А. Геодакяна. Э. Маккоби, А. Рич, которые считают особенностью женщин способность «мыслить через тело», объясняют разницу в поведении полов исключительно биологическим компонентом. Таким образом, женственность и женщина в эссенциализме рассматриваются как идентичные сущности; проявление женственности является следствием половых свойств женщины.

В центре данного исследования – трактовка понятия женственности в рамках акцидентализма. Отмечено, что решающую роль в появлении новой научной парадигмы в исследованиях мужественности – женственности сыг-

рал феминизм. «Женщиной не рождаются, женщиной становятся», – основной лозунг феминистки С. де Бовуар определил общую тенденцию в исследованиях по проблеме установления статуса женщины, природы женственности. На первый план в определении маскулинности – феминности выходит уже не биология, а культура, воспитание. Феминисты, разрабатывая свою методологию, ввели в научный дискурс термин «гендер», актуализировали гендерные исследования. Определяя гендер как метафору культуры, мужественность и женственность диссертант рассматривает как элементы культурно-символических рядов: мужественность – рациональное, духовное, божественное, культурное; женственность – чувственное, телесное, греховное, природное. Данная линия анализа развивается постструктуралистской традицией в «феминистской критике» (Л. Ирригарэ, Х. Сиксу, Ю. Кристева), находящейся под влиянием Ж. Деррида. Именно с теорией Ж. Деррида связано появление новых методологических основ гендерных исследований.

Под гендером следует понимать сложный социокультурный процесс конструирования обществом различных мужских и женских ролей, поведения, ментальных и эмоциональных характеристик, и сам результат – организованный социокультурный конструкт, который общество «надстраивает» над традиционной половой физиологией. Гендер осмысливается в понятиях мужественность – женственность. Гендер подчеркивает не природную, а социокультурную причину межполовых различий.

В связи с этим разграничиваем понятия женское и женственность, как половое и гендерное, природное и культурно-символическое, где женственность является совокупностью социальных и культурных норм, которые общество приписывает выполнять женщине.

Структура понятия женственности представлена в виде взаимодействия двух сторон: внешней и внутренней. Внешняя сторона отображает внешний облик женственности, ее лицо, фигуру, манеры говорить, двигаться, одеваться. Только по внешнему виду можно сделать вывод о женственности той или иной женщины. Внешняя сторона женственности изменчива и подвержена влиянию извне, но в то же время она всегда является отражением сущностной стороны – внутренней сути человека, которого мы называем «мужчина» или «женщина».

Второй параграф «Кризис как основание возникновения мифологии женственности в культуре Серебряного века» посвящен характеристике переходной эпохи Серебряного века, в которой кризис становится определяющим культурологическим явлением. Обращение к работам представителей русской религиозной философии Вл.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Н.А. Булгакова, Н.Ф. Федорова, С.Л. Франка, а также к произведениям представителей символизма Вяч. Иванова, А. Белого, А.А. Блока позволило сделать вывод о глобальном кризисе исследуемой эпохи. В 90-е годы XIX века и первое десятилетие XX века кризис охватил буквально все сферы жизнедеятельности общества. В большей степени кризис проявил себя в идее кризиса эпохи, культуры, человека.

В ходе исследования было установлено, что данный кризис явился следствием особого исторического расположения культуры, когда один вековой пласт приходит на смену другому, называемый термином «переходность». Проанализировав «переходность» с позиции системного подхода, теории И. Пригожина и И. Стенгерс, диссертант пришел к выводу, что Серебряный век русской культуры является «точкой бифуркации», собственно переходным периодом с присущими признаками кризисного мироощущения и стремлением преодолеть их.

Явление «переходности» как состояние «свободного небытия» обозначает главную проблему эпохи – проблему пересоздания действительности в мифологическом мировосприятии. Человек, в ситуации перехода утратив ориентиры, которые на протяжении нескольких веков составляли стабильную базу для формирования его мировоззрения и выработки способов объяснения явлений окружающей действительности, оказался дезориентированным: он начинает мыслить мир фрагментарно и противоречиво, причем эту фрагментарность он не в силах устранить одним интеллектуальным усилием.

Кризис создает систему запросов, «вызовов», ответом на которые выступает миф. Через миф продуцируется новая ценностная система жизнедеятельности, появляются новые смыслы в трактовке женственности. Культура Серебряного века игнорирует научный дискурс – кризис позитивизма поставил под сомнение рационалистический подход как единственно возможный в объяснении актуализировавшихся проблем эпохи. Мир оказывается не просто непознанным, но и непознаваемым. Сознание ошибочности, неполноты прежнего знания ведет к поиску новых путей постижения реальности, человека, требует обновления во всех сферах жизнедеятельности общества, смену привычных парадигм. Начинается активный процесс созидания «новых механизмов формирования новой картины мира». Личность, творчески подходящая к проблеме собственного воспроизводства и выживаемости, становится на путь мифотворчества, создавая индивидуальные способы преодоления ситуации перехода. Эти способы образуют индивидуально-мифологические системы. Происходит поворот к иррациональной философии. Мифологическая действительность в беспорядочном хаосе разрушенной системы переходного периода оказывается сильнее, жизнеспособнее, чем логичная действительность, продуцируемая наукой.

Миф в силу своей свободы в варьировании смыслов, в соединении несоединимого явился единственной приемлемой структурой в активизации творчества для создания инновационных моделей мира и женственности. Формирование особой атмосферы, нового видения женственности было возможно только при наличии особого эмоционального состояния: требовалось проявление творческой фантазии для сотворения новой реальности. В мифотворчестве создается мифологема женственности как идеальная модель.

Кризис как важнейшее культурологическое основание периода перехода актуализирует состояние «свободы» или «пустоты» (Н.А. Бердяев), которая может стать как основой творчества – создания новых ценностей, так и основой безумной деструкции – разрушения всей прежней системы ценностей.

Творчество выводит из критического состояния кризиса, создает новые смыслы. Безумие только обналичивает несостоятельность социального кризисного мира, играет множеством смыслов, не делая ни один из них фундаментальным, и тем самым разрушает любые основания, на которых возможно продолжать жизнь. Свобода в безумии осмысливается как произвол, а потому ведет к падению. Однако творчество, черпая свои силы из пустоты, также создает пустую модель – образ идеальной женственности, не имеющей никакого денотата в реальности. Амбивалентность «пустоты», хаоса, из которого рождаются как безумие, так и творчество, в итоге порождает амбивалентность женщины, описываемой диссертантом с точки зрения мифотворчества: с одной стороны, она – идеальная, сотворенная, с другой – infernalная, безумная.

В третьем параграфе «Мифологические основы эпохи Серебряного века в аспекте создания идеализированной модели женственности» предлагается описание действия мифа как «смыслонесущей реальности» (А.С. Шаров) в процессе создания и реализации мифологического образа женственности в культуре Серебряного века. Проясняются ключевые понятия исследования: *миф*, *мифотворчество*, *мифологема*. С этой целью диссертант обращается к всестороннему анализу подходов изучения мифа, принимая во внимание романтическую интерпретацию мифа (Ф. Шлегель, И.В. Гете, Ф. Шиллер, Ф. Шеллинг), актуализированную в XX веке в философской мысли Серебряного века, в феноменологическом подходе А.Ф. Лосева. Также уделяется внимание трактовке мифа, представленной в структурно-семиотическом методе Р. Барта.

В ходе исследования было установлено, что в культуре Серебряного века миф как знаково-символическая система возникает для построения на личностном интуитивно-образном уровне восприятия целостной картины мира, как попытка целостного осмысления действительности. Миф как продукт личностного творчества созидает реальность, воспринимаемую как подлинную.

В конструируемом Р. Бартом знаке-мифе особое значение имеет взаимодействие между его элементами. Содержание, заключенное в исходном знаке мифологической системы, обладает собственным смыслом. Этот смысл имеет, как отмечает Р. Барт, конкретное содержание, соотносимое с фактами и явлениями действительности. Однако это содержание во вторичной семиологической системе обращается в пустую форму, наполняемую новыми смыслами «означаемого» (мифологический концепт) мифа. *Мифологема* как единица конструирования мифа, которую мы рассматриваем в качестве конструктивного ядра мифологической эпохи, экстраполирует мифологическое значение в мир объективной реальности. Повторяющаяся репрезентация мифологемы, вызывая одни и те же ассоциации, закрепляется в сознании, выдается за реальный образ, существующий в действительности. Миф свои коннотативные значения стремится воплотить в реальность, заставить верить в свою подлинность и материальность.

«Идеальное» (мифологическое) стремится превратиться в «реальное», стать самой жизнью. Отсюда и происходит подмена миров, идеального и реального. Потребность жить в разном времени, синтезировать «реальное и

идеальное» реализуется в способности человека создавать мифологические реальности и претворять их в жизнь. Преломляя принятые нормы жизни, миф создает некую новую фантастическую высшую реальность, которая парадоксальным образом воспринимается носителями мифа как идеальный прообраз жизненных форм.

Оппозиция «реального – идеального» в начале XX века становится центральной, формирует основные константы и парадигмы русской культуры, гендерные модели «мужественности» и «женственности».

Мифологема женственности явилась одной из притягательной мифологем эпохи Серебряного века. Женственность конструируется в рамках мифологического мышления мужественности, возводится до идеала. Первоначальные номинации женственности в факте реального бытия («означающее») «похищаются» мифом, женственность заполняется новой семантикой, идеализированной. Этому новому содержанию, что, по сути, обозначает элемент «идеальное» («означаемое») в мифе, дается имя «Вечная Женственность» – мифологема, которая реализуется в действительности, воспринимается как реальная, нацеленная на земных женщин. Идеальная реальность мифа заменяет, смещает представления о женственности в объективной действительности, натурализуется.

Миф существует безгранично, миф разоблачается, сталкиваясь с самой жизнью. Созданная мифологема женственности, обретя дискурсивный статус «реальной» проблемы в теоретическом сознании эпохи, по законам мифомышления вытесняет на периферию интересы реальных женщин, окрашивает реальность в негативные краски, требует коррекции жизненных реалий с помощью возникших позитивных идей. Реальные женщины, которые отказываются соответствовать предназначенной им модели святой женственности, превращаются в свою противоположность.

Вторая глава «Природа женственности в мифотворчестве Серебряного века» предполагает выяснение культурообразующего значения мифологизированной, идеальной женственности в русской культуре, рассмотрение особенности выражения природы женственности в мифотворчестве культуры Серебряного века.

В первом параграфе «Мифологизация образа женственности как основание русской культуры» проанализирована русская культурная традиция с присущими ей традиционными представлениями о женщине, сущности женского, показана суть традиционного для русской культуры момента идеализации женственности.

Отмечается, что истоки идеальной (мифологизированной) женственности, выступающей в образе Вечной Женственности в Серебряном веке, коренятся в традиции древнерусской культуры. Обращаясь к языческим представлениям древних славян, их мифологии, выделяем тесную связь женственности с почитанием материнских культов. Все женские персонажи в славянской мифологии сводятся к единому синкретичному образу – образу Великой Богини-Матери, к Матери-Сырой Земле. Только в славянской мифологии образ Матери занимает особое место, чистой, непорочной, но плодоно-

сящей. Женственность обожествляется, идеализируется как мать, мудрость. Сакрализация материнства ставит в один ряд образы Вечной Женственности и Матери-Земли. Здесь языческая культура Древней Руси являет тенденции к конкретности, материальности, сакрализации, а по сути уничтожения ее природного (полового) начала. Женственность в славянской мифологии асексуальна. Данный взгляд считается традиционным в характеристике природы женственности. Женственность рассматривается с позиции *репродуктивной функции*. То, что культура традиционно относила к сфере *удовольствия, наслаждения*, столь же традиционно закреплено за мужским, а не женским началом, а в женском «варианте» приравнено к пагубности *страсти*.

Спецификой славянского архетипа Матери является отсутствие негативных признаков в ее содержании. Образ матери во всех пословицах коннотирован положительно. Амбивалентность женского начала проявляется на основе оппозиции: рождающая – бесплодная, близкой к дихотомии жизни и смерти. Богине Макоши противостоит Марена, богиня, связанная с воплощением бесплодной, болезненной дряхлости, увядания жизни.

Известно, что демонизация женского начала как чувственного, страстного у славян произошла в период внедрения христианства. Поскольку сама культура средневековья была бинарна, постольку противопоставление «земного» и «небесного», «божьего» и «дьявольского», женского и мужского, «доброй жены» и «злой жены» было фактом первостепенного значения. Мужские качества принимаются как эталон, женские же расцениваются как недостаток (отсутствии мужских). Развитие темы женоненавистничества в древнерусской литературе объясняется, с одной стороны, усвоением древнерусским человеком церковной аскетической традиции, с другой – сопротивлением и противопоставлением ей социальной активности женщин во всех ее проявлениях. Закрепившаяся антиномия природы женственности в культуре средневековой Руси как непорочное и «страстное» с устойчивостью продуцируется в последующие периоды развития русской культуры. Женственность начинает проявляться в двух ипостасях одновременно: как телесное – природное, как духовное – асексуальное. Двойственность натуры женщины интерпретируется мужчинами как противоречивость: женщина или ангел, или демон, третьего не дано.

В средневековой христианской культуре идеальная модель женственности предстает в образе Богородицы, который в русском религиозном сознании соединяется с образом Матери-Земли. Пресвятая Дева читится в народном православии именно как непорочная Мать Сына, как Пречистая Заступница всякой твари. Мария оказывается одновременно невестой, матерью, женой: она вступила в Брак со Святым Духом, родила Сына Небесного, стала Матерью, но при этом осталась Пречистой Девой, сохранив свободу. Именно совпадение в одном образе трех этих ипостасей говорит о том, что в лице Марии христианство дало светской культуре «доказательство» возможности, состоятельности рассуждений об образе Вечной Женственности, перенеся небесные черты женственности в мир реального бытия реальных женщин.

Особое значение для становления и укрепления идеала непорочной женственности в культуре XIX века имел пушкинский образ Татьяны Лариной. Она представляется литературным идеальным, асексуальным примером Вечной Женственности; в ней соединились черты сверхмерного бытия святости, она стала образцом «святой» женственности, пребывающей вне пространства обыденной семейной жизни. В литературе XIX века после А. Пушкина возник ряд схожих с Татьяной женских фигур в произведениях А. Тургенева, И. Гончарова, Н. Чернышевского. Тяга к идеалу отражена в образах некоторых героинь Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого.

Нужно отметить, что Л.Н. Толстой, один из первых поставивший в литературе женский вопрос о ее статусе, о её природном состоянии, явился провокатором создания мифа об идеальной женственности в Серебряном веке. Выход из кризиса Л.Н. Толстому видится в создании собственной модели гармоничного космоса в приближении к Вечной Женственности. В этом поиске Л.Н. Толстой описывает различные модели поведения, способные приблизиться к идеалу и принести спасение и успокоение душе. Одной из них является модель создания семейного счастья, модель «приобретения», переделки женщины в идеальную жену (образ Наташи Ростовоной). Л.Н. Толстой, а затем поэты-модернисты идеализируют в своем творчестве и в жизни женское начало; каждый создает свою модель святости женщины, где объединяющим критерием для всех оказывается критерий непорочности.

Идея святости русской женщины является центральной идеей русской мысли. Репрезентируясь в сознании русского народа, модель идеальной женственности воплощается в универсальную мифологему русской культуры. Идеальная женственность, начиная с языческой традиции, обнаруживает некую не-телесность, не-материальность, которая коррелирует с идеализмом.

Данные характеристики женственности являются важнейшими компонентами мифологемы идеализированного образа русской женщины, ее природы, наиболее ярко, отчетливо репрезентировавшиеся в культуре Серебряного века.

Во втором параграфе «Вечная женственность» как воплощение высшей (мифологизированной) идеи женственности (философский, художественный аспект) описывается новая модель мифологизированной женственности, созданной мифотворцами эпохи Серебряного века.

В процессе построения новых ценностей, преодоления кризиса в мифотворчестве эпохи конструируется новая женственность, мифологизированная. В философских, художественных мифологических текстах создается мифологема идеализированной женственности, требующей поклонения, – культ, воплощенный в образах Вечной Женственности, Прекрасной Дамы, Вечной Жены, Софии, Лучезарной подруги, Жены, облеченной в Солнце.

Изменения традиционных представлений о женственности (природной, рождающей, хаотичной, то есть репродуктивной) были обусловлены, с одной стороны, социальными, с другой – интеллектуальными факторами. К социальным факторам можно отнести начавшийся с середины XIX века процесс

эмансипации женщин в России, распад патриархальной семьи. К интеллектуальным – теоретические и художественные интерпретации образа женщины представителями элитарной культуры.

Во многом всплеск интереса к проблеме женственности в данной среде явился ответом на работу О. Вейнингера «Пол и характер» (1903). Выделенные О. Вейнингером женские типы в дихотомии «проститутка и мать» находят свое продолжение у мыслителей Серебряного века. Опозиция «наслаждение – репродукция» становится центральной в конструировании мифологической модели женственности.

Описания женственности в элитарной культуре основывались на мнениях русских религиозных философов рубежа XIX-XX веков. Созданное русской софиологией учение о Вечной Женственности предопределило взгляд на женственность как идеальное. В центре мифа об идеальной женственности эпохи Серебряного века оказались работы В. Соловьева и его образ «философа эпохи».

Вл. Соловьев оказался тем вектором, который определил характер и направление развития отечественной мысли и культуры в представлении природы женского в образе Вечной Женственности (идеальной женственности), с устойчивостью воспроизводимый в творчестве различных мыслителей эпохи. Вечная Женственность, созданная в мифотворчестве Вл. Соловьева, явилась основной мифологемой в культуре Серебряного века, натурализованная в действительность XX века.

Соловьевская традиция находит свое продолжение в творчестве Н. Бердяева, А. Блока, А. Белого, В. Брюсова. Женщина-мечта, женщина-тайна, загадка, бесплотный идеал – этот образ манифестируется в идеализированном ореоле и на живописных полотнах художников Серебряного века. Достаточно вспомнить работы В.Э. Борисова-Мусатова, П. Кузнецова, А. Бенуа, К.А. Сомова, Л. Бакста, М. Врубеля.

В ходе анализа источниковой литературы был сделан вывод, что «творцы» эпохи, отрицая традиционные номинации женственности, заменяют их в рамках мифотворчества на противоположные, идеализированные. Реальное (женственность природная) заменяется идеальным, мифологизированным (женственность божественная, святая), которое начинает восприниматься как действительное. Женщине отводится роль Богини, вдохновительницы, мечты, абсолютной идеи, которой можно только поклоняться как Вечной Женственности и лицедреть.

Женщину начинают интерпретировать в аспекте Вечной Женственности. Ей приписывают мифологизированные качества: светлая, непорочная, лишённая природы, разумная, властная, гармоничная, которым она обязана соответствовать в жизни. Мужчина такой женщине служит, поклоняется. В такой ситуации идеализированный образ женственности воплощает собой нищезанское аполлоническое начало – светлое, гармоническое, разумное – образ, постоянно используемый в символизме. Можно отметить, что женщине постулируются качества, которые в традиционном символическом гендерном ряду приписываются мужчине. Женское поднимается на одну ступень с мужским. Апеллируя нищезанскими образами Аполлон-Дионис, диссертант

устанавливает культурную инверсию: «проникновение» мифологемы Аполлона в характеристику женского начала, традиционно ассоциирующейся мужским совершенством.

Однако, исключая из женственности *репродуктивную функцию*, традиционную в ее полевой характеристике, в качестве оппозиционного замещающего – *наслаждение* – женщине также отказывается. Творцы изъяли Вечную Женственность из возможности – невозможности соответствовать либо одному, либо другому началу. В результате модель идеальной женственности становится пустой формой, метафизическим «ничто», из которой мужчины-мыслители черпали собственное вдохновение, представляя ее либо в статусе святой, либо как источник наслаждения. Пустыми становятся отношения между мужчиной и женщиной. Рушатся реальные семьи. Женщина сливается с образом Вечной Женственности, растворяется в нем, избавляется от своей индивидуальности, а мужчина, то есть истинный человек, восходит в сферу Божества для воссоединения с Богом, который обеспечит ему полное сохранение его мужской индивидуальности.

Вечная Женственность, заменив собой прежние составляющие природной женственности, в мифологическом сознании эпохи представляется идеалом, который начинает определять жизнь реальных женщин. Изучив биографические материалы, мемуарные записи, дневники, было установлено, что женщины эпохи (А. Шмидт, Л. Рапп, Н. Петровская, Л. Менделеева) откликаются на созданный для них образ идеальной женщины, примеряют на себя лик «лучезарной подружки», включаются в игру превращения мифа в реальность.

Женский идеал оказывается неотделим от мужского мифотворчества. Женщина не существовала сама по себе, но была значима лишь как воплощение высшей идеи: красоты, невинности, добра. Мужчина эксплуатирует созданную им женственность (пустую), черпает из нее энергичные силы для своего творчества. От нее требовалось соответствовать некому мифологическому образцу, возведенному в культ.

Основная мысль третьего параграфа «**Вечная женственность в мире объективной реальности**» сосредоточена на разоблачении мифа о Вечной Женственности в реальной жизни, параллельно находящий отклик в творчестве самих мифосоздателей.

Отмечая в «механизме» действия мифа его непостоянность, приходим к выводу, что созданная мифологема женственности в культуре Серебряного века как ответ на кризисное состояние эпохи разрушается.

Вечная Женственность как воплощение высшего идеала святости, проявляющая свойственное ей трипостатное единство: *материнство, брак, девственность*, – должна была реализоваться в земном виде, в женском, соответственно как мать, жена, невеста. Однако в реальной женщине оказалось невозможно совместить все эти три ипостаси, сохранив при этом статус идеальной – асексуальной женщины. Она может быть или святой и не обозначать ипостась материнства, или страстной, а значит животворящей, недевственной. Миф, сталкиваясь с жизнью, по закону действия мифа, выведенного Р. Бартом, разрушается. Идеал не выходил за границы сферической системы мифомышления мужчины, где женственность в закрепившейся мифотворче-

ской традиции русской культуры выступала асексуальным, сверхдуховным и бесплотным объектом. Идеализация способствовала не сближению, а противопоставлению ее дискурсивного прообраза реальной плотской женщине, с ее физиологией, психологией. В культуре сложилась истерическая ситуация (И. Жеребкина): женщина существовала и не существовала одновременно.

Эффект истерии обнаруживает, что не существует никакой «настоящей женщины», «настоящей женской души» и что за рамками интригующего, опасного и не поддающегося рациональному восприятию эффекта истерии сокрыто не сокровенное содержание, но пустота, простой мираж. Лишенная языка женщина заявляет о своей субъективности посредством тела. Вся выразительность сосредотачивается *на теле*. Субъект с помощью своего тела (истерического симптома) выражает то, что не может быть выражено посредством языка (конверсионная истерия).

Женщина в конструкции Вечной Женственности не являлась «сама по себе, как она есть»: она была представлена как объект мужской фантазии, с которой невозможны никакие сексуальные отношения, которые по своей природе являются дефектом. Женщины же хотели *быть*, вернуть свою природность, половую полярность, а значит – заявить о своем существовании. Осуществить это возможно было лишь через удовлетворение физического желания. Сопоставление дневниковых записей «лучезарных подруг» намечает общую тенденцию в желании женщин жить земными идеалами, а не небесными, идеальными. Данный факт находит свое отражение в творчестве создателей новой женственности, где женственность десакрализируется, демифологизируется.

Женщине предстояло сделать выбор: либо быть символом и образцом абсолютного совершенства, либо оставаться неполноценной в глазах любящих мужчин, отринуть идеал. Этот конфликт послужил причиной реальных жизненных катастроф как со стороны женщины, объекта идеализации, так и со стороны мужчины, субъекта, творца идеала. Используя имеющиеся биографические источники, дневниковые записи, книги воспоминаний, мы обнажаем конфликт реальной плотской женщины с предписанным и принятым символическим образом и воплощением Вечной Женственности, ставший причиной жизненных катастроф. Наше внимание сосредотачивается на судьбах С. Хитрово, А. Шмидт, Н. Петровской, Л. Менделеевой-Блок, Л. Рапп.

Культ Вечной Женственности оказывается в рамках антиномии: поклонение и отвержение в реальной жизни. Такое раздвоение придавало женщине статус маргинала, который обязал ее либо соответствовать идеалу, либо стать ведьмой, inferнальной силой на пути мужчины. Так же, как идеал, воплощенный в реальность, превращается в свою противоположность, так и всякий миф при столкновении с «живой жизнью» обречен на уничтожение и осуждение со стороны реальности.

В **Заключении** обобщаются результаты диссертационного исследования, излагаются основные выводы, указываются направления дальнейшего рассмотрения затронутых проблем.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Гулюк Л.А. Специфика проявления природы женственности в славянской (языческой) культуре (От Матери-Сырой земли к Вечной Женственности) // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2006. – № 7. – С. 81-85. (ВАК)

2. Гулюк Л.А. Сладость плоти и горечь духа. Душевные терзания Л. Толстого // Проблемы духовно-культурного и исторического развития России и российского общества. Сборник материалов межвузовской научной конференции. – Белгород : ИПЦ «Политерра» – С. 46-50

3. Гулюк Л.А. Наследие Л.Н. Толстого в контексте культуры «серебряного века». Преемственность в понимании женского начала // Социокультурная динамика региона: Сб. науч. тр. участников V межрегион. науч.-практ. конф. (Белгород, 27-28 апр. 2005 г.) / Отв. за вып. : С.И. Курганский, А.Н. Бердник, Е.В. Шварев. – Белгород : БелГИК, 2005. – С. 207-210.

4. Гулюк Л.А. Вечна Женственность как воплощение высшей идеи женственности в культуре Серебряного века // Язык, фольклор, культура: проблемы взаимодействия: материалы межрегион. межвуз. науч.-практ. конф. / Отв. ред. М.С. Жиров. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2005. – С. 47-50.

5. Гулюк Л.А. Мифологема женственности (ее идеализация) в диалоге культуры рубежа XIX-XX и XX-XXI вв. // Наука о культуре – шаг в XXI век: сборник материалов ежегодной конференции-семинара молодых ученых. – Том 6. – М. : РИК, 2006. – С. 272-276.

6. Гулюк Л.А. К вопросу репрезентации концепта женственности // Человек: философская рефлексия: материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции Вып. 1 / Отв. ред. О.Л. Сьтых, Л.М. Управителева. – Барнаул : Изд-во Алт. Ун-та, 2006 – С. 71-73.

7. Гулюк Л.А. К вопросу трансформации концепта женственности в структуре гендерной теории // Первый Российский культурологический конгресс. Программа. Тезисы докладов. – СПб. : Эйдос, 2006. – С. 339.

8. Гулюк Л.А. Женственность в антиномии «провинция-столица»: трансформация представлений XX века // Провинция и столица: центробежные и центростремительные процессы духовной эволюции культуры: материалы Всероссий. науч. конф. / Отв. ред. С.М. Климова. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2006. – С. 191-196.